

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Конышева Валерия Николаевича, доктора политических наук, профессора, профессора кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию Фролова Федора Сергеевича «Культурно-лингвистическая экспансия как инструмент достижения геополитических целей в современных международных отношениях», представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования».

Диссертация Фролова Ф.С. посвящена актуальной теме, недостаточно изученной в отечественной и зарубежной историографии.

Актуальность диссертации

Актуальность обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, процессы глобализации оказали противоречивое влияние на международно-политические процессы. С одной стороны, это тенденция к универсализму и нивелированию национальных культур, экономических моделей и политических режимов. С другой стороны, это тенденция отторжения внешнего влияния и повышение внимания к национально-культурным источникам развития народов и государств. Из этого противоречия возникает проблема навязывания форм социального существования и развития в отношении государств, не относимых к условному Западу.

Во-вторых, в международной политике существенно возросла роль информационных технологий как средства внешнеполитического влияния государств. Это связано не только с информатизацией многих сфер жизни современного общества, но и с тенденцией решать политические вопросы без прямого использования насилия. Одной из таких сфер являются культурно-лингвистические взаимодействия, происходящие по линии государств и негосударственных субъектов.

В-третьих, процессы культурно-лингвистического взаимодействия и взаимовлияния играют все более заметную роль в стратегиях развития и внешнеполитическом курсе наиболее влиятельных государств. Эта сфера все чаще рассматривается в перспективе источника угроз национальной безопасности государства.

В-четвертых, доктринальные основы государственной политики в сфере регулирования культурно-языковой деятельности как инструмента внешней политики остаются недостаточно разработанными. Такая ситуация требует концептуального осмысления и весьма актуальна для России, как для совершенствования внутренней политики, так и для оптимизации политики на постсоветском пространстве.

Автор опирается на достаточно широкий круг источников, включающий в себя документы национального уровня РФ, Франции, США, Турции, отражающие политику государств в культурно-языковой сфере; документы международных организаций; материалы влиятельных СМИ различных государств.

Структура диссертации

Исследование состоит из двух глав, представляется оправданной и соответствующей поставленной цели и задачам.

В первой главе изучаются теоретические основы исследования и раскрываются методологические подходы автора, которые базируются на идеях геополитики Фридриха Ратцеля и Жана Гаттмана, инструменталистском подходе во внешней политике, а также привлечении методов культурологии, политической лингвистики, теории игр. Автор вводит основное понятие культурно-языковой экспансии, понимаемой как несиловая агрессия государства, направленная против государства-мишени. Важная особенность авторского научного мировоззрения состоит в конфликтном понимании природы международной политики, что логически оправдано, так как полностью соответствует идеям геополитики. В заключительном параграфе рассматриваются механизмы культурно-лингвистической экспансии.

Во второй главе изучается практика культурно-лингвистической экспансии на примерах взаимодействия РФ и государств, относимых к постсоветскому пространству, с Францией, США, Китаем и Турцией. Автор рассматривает механизмы и методы работы, направленные на трансформацию общественного сознания целевой аудитории в нужном направлении. Автор развивает идею о том, что создание благоприятной культурно-языковой среды создает плацдарм для последующего применения политических технологий для влияния на менталитет, политическую культуру, политические убеждения и культурные ценности российского общества. Глава заканчивается анализом состояния и перспектив государственной политики РФ по противодействию культурно-лингвистической экспансии.

Диссертация завершается развернутыми выводами, списком литературы и источников, приложениями.

Достоинства диссертации

Они состоят в том, что автор предпринял удачную попытку комплексного анализа проблемы культурно-языковых манипуляций в современных международных отношениях.

Автор демонстрирует умение работать с источниками и научной литературой на нескольких языках.

Автором изучено большое количество научной литературы по выбранной теме.

Каждая глава и отдельные параграфы завершаются промежуточными выводами.

Работа носит логически стройный и завершённый характер, автор последовательно придерживается выбранной научно-мировоззренческой позиции, основанной на постулатах геополитики.

В концептуальном плане к заслугам автора следует отнести развернутую характеристику вводимого понятия «культурно-лингвистической экспансии», которая обладает своими механизмами и методами реализации. Автор убедительно и на многочисленных примерах показал, как это работает.

Значимость и новизна диссертации

Заслуживает особого внимания авторский анализ специфики культурно-языковой политики США, Франции, Турции и КНР в России, в ее отдельных регионах, тяготеющих к той или иной культурно-языковой среде, а также в государствах постсоветского пространства на Кавказе и в Средней Азии.

Практически-политической ценностью обладают предложения автора по оптимизации культурно-языковой политики РФ. Эти предложения заслуживают дальнейшего развития и обсуждения.

В диссертации приводится развернутое заключение, основные выводы автора вполне обоснованы и убедительны, хотя местами и носят дискуссионный характер.

Недостатки диссертации

К недостаткам работы следует отнести следующее.

Во введении объект исследования определен неудачно. Это не экспансия, существование которой предстоит показать в исследовании, а часть международных отношений, происходящих в культурно-лингвистическом взаимодействии государств.

Поскольку автор поставил перед собой довольно сложную задачу междисциплинарного характера, то при характеристике эмпирической базы исследования следовало подробнее разъяснить состав и особенности источниковой базы исследования, связав их с целью, задачей и методологией исследования. Это помогает понять, какие источники позволяют выявить манипулятивный характер информационного воздействия.

В первой главе название первого параграфа не вполне соответствует содержанию. Речь в нем фактически идет о культурно-лингвистической экспансии как части геополитики, но никак не политической науки в целом, поскольку это более широкое понятие. Если геополитика основана на конфликтном понимании природы международных отношений, то такие парадигмы международных отношений как неолиберализм, неореализм, глобализм изучают, помимо конфликтной составляющей, еще и ограниченное сотрудничество государств. Более того, статус геополитики внутри теории международных отношений неоднозначен, поэтому далеко не все категории геополитики считаются достаточно обоснованными (например, пассионарность или этноэнергетика). Поэтому, более удачным представляется название параграфа «Обоснование культурно-лингвистической экспансии как категории геополитики».

В первой главе не хватает более основательного разбора концепций «публичная дипломатия», «мягкая сила» и соотнесения их с вводимой категорией культурной экспансии. Например, «мягкая сила» подразумевает влияние в культурно-языковой политике через демонстрацию привлекательности культуры и понимается как часть политики безопасности государства. «Мягкая сила» Джозефа Ная весьма отличается от авторской позиции культурной экспансии, автор же фактически включает «мягкую силу» в инструменты культурной экспансии (с.50). Но если последовательно придерживаться этой позиции, то не придется ли тогда любое действие в сфере культурного взаимодействия государств рассматривать только сквозь призму враждебности и конфликта? В подобную конфликтную логику не вписывается практика культурного сотрудничества, взаимного обогащения культур через их диалог. Едва ли продуктивно видеть в любом проявлении культурной политики другого государства лишь «тлетворное влияние», как говорили в СССР лет 60 тому назад.

Автор недостаточно критически относится к некоторым заимствованным идеям. Так, например, взятое из трудов И.В. Чернова утверждение о «столкновении языков», в соответствии с которым язык играет ключевую роль в международных отношениях. Автор цитирует И. В. Чернова, по всей видимости, соглашаясь с ним: «главным индикатором конфликта на международной арене (впрочем, как и внутри конкретного государства) является разница языков. Чем больше по своему происхождению, словарному запасу, синтаксису отличаются языки, тем выше потенциал конфликта» (с.44-45). Но в подобную логику не вписываются факты гражданских войн, происходящие внутри одной языковой общности. Тот же конфликт Украины и России произошел вовсе не из-за языковых отличий как таковых, хотя языковая дискриминация и использовалась для разжигания русофобии. В основе конфликта лежат противоречия в сфере военной безопасности. Согласно же логике «непохожести языков» Россия должна бы враждовать, например, с Китаем, Тибетом, Японией и со всей Африкой. Очевидно, что у И.В. Чернова роль языковых различий как самостоятельного основания для межгосударственного конфликта, явно преувеличена.

В первой главе не проведено концептуальной границы между различными методами влияния применительно к теме исследования. Из-за отсутствия четкой классификации автор все несиловые методы причисляет к агрессивным методам, что и отражается в термине «культурно-лингвистическая экспансия». Чтобы избежать подобной неувязки, можно было бы, например, ввести различие между (1) силовыми, (2) несиловыми агрессивными и (3) несиловыми неагрессивными методами влияния в сфере культурно-лингвистической политики. Тогда в фокус исследования логично попали бы (1) и (2) формы влияния. Конечно, можно допустить, что и форма (3) может превратиться в несиловую агрессивную, но тогда исследователю и нужно показать, как и при каких условиях это происходит.

Во второй главе автор не уделяет внимания анализу политики РФ в российских регионах, которые отличаются по культурно-языковым и этническим критериям. Между тем, это одна из сфер «культурно-лингвистической экспансии» (помимо внешнеполитической), которую сам автор же и выделил. Как

представляется, для РФ внутривнутриполитический аспект культурно-языковой политики является даже более приоритетным.

Дискуссионные вопросы

Во-первых, дискуссионным является авторский тезис о необходимости культурно-лингвистической экспансии России, который должен быть направлен как на собственную территорию, так и на территорию других государств. В плане дальнейшей разработки темы автору рекомендуется подумать о том, чтобы более точно разделить внутривнутриполитическую и внешнеполитическую специфику политики по обеспечению культурно-лингвистической безопасности. В частности, в отношении России внутри государства основной акцент может состоять в функции контрпропаганды, нейтрализующей внешнее негативное воздействие. Во внешней среде основной акцент может быть в распространении ценностной составляющей Русского мира, в демонстрации ее привлекательности для аудитории из иной культурной среды, что соответствует концепции «мягкой силы» Джозефа Ная. Уместно вспомнить, что после 2014 г. идея Русского мира была воспринята на постсоветском пространстве именно как экспансия, за которой следует территориальный передел, что привело к дискредитации идеи Русского мира внутри государств с большой долей русского населения.

Во-вторых, термин «экспансия» рекомендуется использовать более осторожно. Это касается, прежде всего, тезисов, выносимых на защиту, где политика РФ по обеспечению культурно-лингвистической безопасности приравнивается к «культурно-лингвистической экспансии» (с.21). Едва ли это оправдано. Одно дело, если речь идет о целенаправленной внешней манипуляции, имеющей агрессивный характер в отношении государства-мишени, тогда это оценивается как экспансия, требующая противодействия, вплоть до запретительных мер. И совсем другое дело, если речь идет о проявлении «мягкой силы» в виде демонстрации привлекательности иного культурного образа жизни. Тогда речь идет о влиянии, которое если и расценивается как неблагоприятное для государства-мишени, но не относится к агрессивным действиям, требующим соответствующего противодействия. Это сфера такой конкуренции культур, где контрпропаганда, политизация оценок и запреты выглядят неуместными и даже вредными, как всякое «выдавливание» иной культуры только из-за того, что она иная. Если же распространение Русского мира будет происходить (или даже восприниматься без должных оснований) как экспансия, стоит ли удивляться, с какой легкостью происходит мобилизации русофобских настроений или проекты перевода письма на латиницу в государствах Средней Азии?

Исходя из этого политику РФ по обеспечению культурно-лингвистической безопасности следовало бы назвать не «экспансией», а более общим и нейтральным термином, например, «влиянием» или «управлением». Термин же «экспансия» как синоним политики безопасности однозначно переводит политические отношения в сферу конфликта, отсекая сотрудничество.

Более того, если взять внутривнутриполитическую сферу политики по обеспечению культурно-языковой безопасности, то как быть с культурной экспансией в условиях России с ее многонациональностью? Нужно ли понимать под этим

культивирование русской культуры как основной (титульной) или что-то иное? Не спровоцирует ли тогда идея «титульной нации» сепаратизм? Видимо, в сфере внутренней политики более уместно говорить о сосуществовании и сотрудничестве культур, а не о «культурно-лингвистической экспансии»?

В-третьих, авторская позиция соответствует конфликтному пониманию политики, которое восходит к мировоззрению немецкого геополитика Фридриха Ратцеля и далее французского геополитика Жана Готтмана. Конечно, это авторское право выбора научной позиции, но можно заметить, что на протяжении XX века появилось множество альтернативных подходов к пониманию природы безопасности, которые учитывают и конфликтные отношения, и сотрудничество. В частности, они успешно развиваются в рамках неолиберальных теорий. Не сужает ли исследовательские горизонты сведение всей политической науки к перспективе одной лишь геополитики?

Несмотря на высказанные замечания, в целом работа производит положительное впечатление. Диссертация Фролова Федора Сергеевича «Культурно-лингвистическая экспансия как инструмент достижения геополитических целей в современных международных отношениях», представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» является научно-квалификационной работой, в которой существенно дополнены имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе теоретические разработки, связанные с изучением культурно-лингвистической экспансии, обоснованием культурно-лингвистической экспансии как категории политической науки и выявлением особенностей применения инструментальных свойств культурно-лингвистической экспансии для достижения геополитических целей субъектов международных отношений как инструмента достижения геополитических целей в современных международных отношениях.

Заключение по диссертации

Диссертация написана самостоятельно, содержит совокупность научных результатов и положений, выдвигаемых автором для публичной защиты, имеет внутреннее единство и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Диссертация содержит корректные ссылки на работы отечественных и зарубежных авторов, а также собственные разработки автора. Оформление диссертации соответствует требованиям, установленным Министерством образования науки РФ. Автореферат и публикации, перечисленные в нем, полностью отражают содержание проведенного исследования.

Содержание диссертационного исследования соответствует пунктам Паспорта специальности ВАК Министерства образования и науки РФ 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования: 2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин. 4. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов. 17. Информационные, когнитивные, био- и другие

новые технологии в международных отношениях и мировой политике. 19. Российская Федерация в системе международных отношений.

Диссертация в полном объеме соответствует требованиям пп. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (с изменениями и дополнениями от 30 июля 2014 г., 21 апреля, 2 августа 2016 г., 29 мая, 28 августа 2017 г., 1 октября 2018 г., 20 марта, 11 сентября 2021 г., 26 сентября 2022 г.), утвержденного Постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г. за № 842, а ее автор, Фролов Федор Сергеевич, заслуживает присуждения искомой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Официальный оппонент:

доктор политических наук (специальность 23.00.04 – проблемы международных отношений, глобального и регионального развития),
профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Коньшев Валерий Николаевич

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
Юридический адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная,
д. 7/9

Официальный сайт: <https://spbu.ru/>

E-mail: spbu@spbu.ru

Копия руки Коньшева В.Н.
факто верно.

Заместитель начальника
Управления кадров

А.П. Холмуженая

28.10.2022

